

Ю.Г. БЛАГОДЕР

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КИТАЙСКИХ ПРЕДМЕТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

На основе изученных музейных фондов и документальных источников названы первые коллекции предметов китайского искусства в Санкт-Петербурге. Автор дает краткую характеристику наиболее ранних экспонатов частных собраний и Кунсткамеры. В статье выявлена роль столицы Российской империи в формировании представлений общества о Китае.

Ключевые слова: коллекции произведений китайского искусства, ориентализм в искусстве, китаеведение, российско-китайские отношения, шинуазри, Кунсткамера.

Y. G. BLAGODER

Ph. D. in History, Associate professor, Kuban State Technological University

APPEARANCE OF THE FIRST COLLECTIONS OF CHINESE ART OBJECTS IN ST. PETERSBURG

On the basis of the studied museum collections and documentary sources there have been named the first collections of Chinese art objects in St. Petersburg. The author gave a brief description of the earliest private collections and Kunstkamera exhibits. The article stresses the role of the capital of the Russian Empire in forming the ideas of the society about China.

Keywords: collection of Chinese art objects, orientalism in art, sinology, Russian-Chinese relations, «Chinoiserie», Kunstkamera.

Соприкосновение России и Китая – двух равновеликих, но так непохожих друг на друга цивилизаций, истоки и характер их взаимодействия – темы, волнующие научный мир уже довольно длительный период. Их изучению посвящен ряд серьезных научных трудов В. С. Мясникова, Н. А. Самойлова, А. В. Лукина, В. В. Малявина, А. Д. Воскресенского, А. В. Ломанова. В рамках заявленной темы также следует выделить работы Т. К. Шафрановской, Т. Б. Араповой, М. А. Неглинской о произведениях китайского искусства, привезенных в Россию в XVII–XX вв. Данная статья посвящена истории появления первых коллекций китайских предметов в Санкт-Петербурге. Анализ документальных свидетельств и изучение музейных экспонатов позволяют выявить истоки отечественного

научного изучения китайской культуры и определить роль столицы Российской империи в формировании представлений общества о Китае.

Начиная с XVII в. Московия делала попытки установить, а со временем и расширить политические, экономические, культурные связи с Китаем. Монополия на торговлю ценными экзотическими предметами принадлежала царской казне, поэтому китайские изделия попадали, прежде всего, во дворец правителя. О том, какие вещи и в каком количестве были привезены, мы можем узнать по описям купленных товаров, росписям (реестрам) подарков, письмам, докладным запискам. При царе Алексее Михайловиче начинают закупать в Китае драгоценные камни и металлы, а также шелк для нужд двора. Сам государь с интересом собирал произведения китайских мастеров. В период его правления в Коломенском появляются первые комнаты, украшенные «на китайское дело» предметами, привезенными голландскими купцами. Пополнялась московская коллекция и при царевне Софье. Из Цинской империи глава посольства Ф. А. Головин привез подарки. Среди них были «расшитое золотом седло с драконами империи, две маленькие чашки из чеканного золота и много штук китайского шелка, атласа, камки и золотой с шелком парчи» [9, С. 50].

По замыслу Петра I Санкт-Петербург должен был стать не только административным центром империи, но и образцовым европейским городом. Реформаторская деятельность правителя создала условия для широкого знакомства с традициями зарубежных народов. Несмотря на тяготение к западной культуре, новая столица превратилась в уникальную сокровищницу произведений Востока.

Еще в молодые годы Петр в домах иностранцев П. Гордона, Ф. Лефорта, Монсов, Келлера видел много неизвестных ему вещей, как западного, так и восточного происхождения. Были среди них и китайские. Поездка в Европу усилила интерес к восточным произведениям искусства и пробудила желание создать в столице «островки» иноземной культуры, где нашли бы достойное место невиданные ранее изделия.

Считая образование мощной созидательной силой, российский правитель прилагал немало труда, чтобы «насадить в Санкт-Петербурге рукоделия, науки и искусства вообще» [1, С. 66]. В связи с этим он начал собирать коллекцию диковинок для расширения кругозора подданных, «поучения и знания о живой и мёртвой природе и об искусстве рук человеческих», явившуюся первым официальным собранием предметов восточной художественной культуры» [1, С. 66].

Посольские поездки способствовали активизации российско-китайских торговых связей. Благодаря путешествию И. Идеса (1692–1695 гг.) царская казна, а также частные коллекции в Немецкой слободе и домах русской знати (Ф. Апраксина, А. Меншикова, Ф. Головина, П. Ша-

фирова и др.) пополнились китайскими вещами. Из Китая привозились ткани и вышивки, разнообразные по технике, расцветке и узорам. Особенное место занимали покрывала и завесы в шпалерной технике «кэсы», которые попадали в Россию большей частью в качестве подарков, «в презент за презент», как значилось в документах, а «если и покупались, то случайно, в связи с распродажей имущества опального чиновника или обеднением какой-то богатой семьи» [10, С. 9]. Образцом этого ремесла служит покрывало с изображением играющих мальчиков, как символа пожелания добра, привезенное в подарок Петру I.

По замыслу Петра I просветительским целям должна была служить созданная им Кунсткамера, для которой как непримечательные, так и уникальные предметы материального и духовного творчества приобретались за границей. Основу начальных китайских коллекций составили личные собрания вещей и инструментов, приобретенных царем во время его заграничных путешествий, гербарий Аптекарского двора, подлинные предметы, купленные у антикваров Западной Европы, а также привезенные непосредственно из Китая российскими посланниками [2]. Вещи, попадавшие в Кунсткамеру в тот период не представляли особой исторической ценности, так как были изготовлены незадолго до времени их приобретения (XVII–XVIII в.). Здесь можно было увидеть большое количество изделий из резного камня, бронзы, лака, расписанной керамики, фарфора, дерева, слоновой кости. «Из нефрита, особо ценившегося в Китае, вырезали изысканные предметы для кабинета ученого – чаши для промывки кистей в форме половинки плода персика с ветками или листьями лотоса, драконов или других символических животных, подставки для кистей в виде знаменитых гор» [5, С. 128]. Особо выделялись элементы культа (бронзовые божества, фрагменты алтарей) и искусства (свитки с пейзажами и изображениями охоты, книга-бабочка с некоторыми рисунками-пейзажами и другие).

Обозрение предметов культуры является наиболее доступным путем формирования представлений о быте иных народов, поэтому целью составления коллекции было стремление как можно полнее отразить уклад повседневной жизни жителей Поднебесной. Экспонатами становились такие обыденные объекты как халаты, обувь, ножи, кошельки, трубки для курения, курительные палочки, сосуды, коробочки. В петровское время в элитарных кругах восхищение, а подчас и благоговейный трепет вызывали изящные воплощения союза искусства и механики. Так, в Кунсткамеру были отправлены приобретенные в Пекине в 1719–1721 гг. посольством Л. В. Измайлова заводные игрушки. Одна из них – механический кораблик, представляла собой модель традиционного судна, на котором мог путешествовать знатный китаец. На корпусе инкрустированного слоновой костью деревянного корабля были помещены фигурки музыкантов

и танцовщиц, выполненные из слоновой кости, и янтарная фигурка божества-покровителя. Скрытый механизм заводился с помощью ключа и приводил в движение расположенные на днище колесики, что позволяло всей конструкции двигаться.

Музей превратился в богатейшее научно-просветительское учреждение, доступное и широкой публике. Согласно указа Петра I вход был бесплатным для всех желающих, которых «встречали знающие служители, любезно водили по всем комнатам и показывали редкости с кратким объяснением. Посетители охотно осматривали Кунсткамеру» [6]. Свидетели того времени отмечали, что музей никогда не пустовал: в нем всегда было «множество ... разного звания народу» [6].

Пополнение фондов шло на протяжении всей истории музея. Часть экспонатов поступила из собраний известных людей первой половины XVIII столетия: «китайские вещи числились у Ф. Лефорта, П. Гордона, А. Винниуса, Ф. Апраксина, А. Меншикова, Р. Арескина, А. Остермана, Н. Репнина и других» [9, С. 57]. Желая поддержать великий академический проект, в 1725 г. императрица Екатерина I передала из дворцового имущества «китайские и татарские редкости» покойного супруга [14, С. 94]. По личному распоряжению императрицы Анны Иоанновны в государственную казну было передано одно из самых значительных собраний того времени – коллекция сподвижника Петра Великого – Я. В. Брюса.

В чем заключался секрет привлекательности произведений китайского искусства? Возможно, в своеобразном и утонченном китайском изображении европейцы усматривали романтическое восприятие природы и человека, и поэтому позволили проникнуть ему во все сферы декоративного искусства. Это привело к тому, что использование мотивов, стилизованных образов и художественных приемов китайского творчества в европейском искусстве получило свое развитие как одно из направлений стиля рококо («шинуазри»). В России его воцарению содействовала, прежде всего, царская семья. Петр I даже пытался пригласить мастеров для украшения своих дворцов непосредственно из Китая. Однако пекинский двор не одобрил проект «северных варваров». Постепенно стиль рококо заставил состоятельную публику погрузиться в мир театральной игры и мифических сюжетов, прихотливых узоров и изящных предметов. Иллюзорный образец китайской культуры пришелся «ко двору».

Разнообразные китайские вещицы доставлялись казенными караванами в столицу, где они сосредотачивались в одной из торговых лавок. С поступлением каждой партии туда являлись придворные и выбирали для себя все лучшее, а остальное оставалось «для народной продажи» [12, С. 140]. Вещи, привезенные в 1723 г. посольством Л. В. Измайлова, были выставлены на обозрение в его же собственном доме в Москве, а в

1737 г. изделия, доставленные Л. Лангом, – во дворце, в Итальянской зале, где на аукционе шелковые ткани, серебро, фарфоровая посуда, чай, медные и другие вещи продавались дешевле обычного. Большинство из них заняли достойное место в частных коллекциях.

Однако, интерес, не осложненный проникновением в глубинный смысл восточной философии, отличался поверхностным восприятием и в полной мере нашел свое воплощение в декорации интерьеров [3]. Для экспонирования большого количества предметов возникла необходимость в особой мебели, прежде не бытовавшей в Европе и России. Для оформления галерей, лестничных маршей и кабинетов в «китайском стиле» потребовались небольшие шкафчики, а также пристенные мраморные, бронзовые или позолоченные деревянные консоли. «Мало кто знает, что форма открытых шкафов с полочками для показа статуэток и фарфоровой посуды была заимствована нами из Китая, так же как резные и вышитые ширмы, столики-консоли для ваз или комнатных растений в керамических кашпо» [7, С. 21].

В 1720 г. во дворце Монплеизир архитектор И. Браунштейн устроил «Лаковую камору», стены и двери которой украшали ранее привезенные в Россию подлинные створки лаковых китайских ширм, расписанные по черному фону восточными сюжетами: летящими среди облаков сказочными птицами, фантастическими драконами, сценам китайского быта, творчески переосмысленными голландским мастером Г. Брумкорстом и его русскими учениками. Первоначально эта комната представляла собой небольшой музей китайского фарфора, позже собрание пополнялось изделиями мастеров эмали, лаковой мебелью и иными произведениями.

К редким образцам китайского искусства, сохранившимся в Санкт-Петербурге до нашего времени, можно отнести китайские обои. Расписанные по шелку безымянными художниками в стиле местных традиций, они использовались для создания нарядных дворцовых интерьеров. По специальному заказу Петра I были доставлены отличающиеся большой декоративностью и яркостью красок шелковые обои с росписью, изображающей пейзажи. Единственное свидетельство об их привозе находим в документах посольства Л.В. Измайлова (1719–1722 гг.): «Назавтрее император приказал с 3 чиновниками отправить к нам на подворье дары, кои назначил он для его царского величества. Оные состояли в шелковых, весьма богатых обоях для 2 комнат...» [13, С. 397]. Особое внимание исследователей привлекают ткани с вышитыми драконами, которые были редкостью в обиходе за пределами Китая, поскольку золотой дракон с 5 когтями в Поднебесной служил символом императора. Их ношение строго регламентировалось. Подобные образцы могли попасть в Европу и Россию только в качестве дара одного правителя другому. В «Записках» находившегося в составе посольства Л. В. Измайлова врача

Д. Белла находим подтверждение: среди подарков «20 или 30 шелковых материй, на большей части коих вытканы были драконы о пяти когтях» [13, С. 397].

Китайские изделия из лака привлекли внимание европейских путешественников сразу, как только они познакомились с неизвестным для них материалом. Упоминание об их привозе в Россию появляется в описи предметов, доставленных Л. В. Измайловым: «8 чашек с крышками и подставками красными лаковыми», лаковые коробочки, большие и маленькие шкатулки, блюда, тарелки, чашки; «14 ящичков лаковых с чернилами, 1 ящик круглой желтой, а в нем кошельки атласные и орех резной» [11, С. 276]. Китайские мастера не считали резьбу искусством, иностранцы же, увидевшие виртуозно исполненные изделия, стремились приобрести их даже за очень большую цену. Особенный интерес и недоумение вызывали «шары в шаре» из резной слоновой кости. Они привозились в Европу, как дорогие игрушки, и попадали в коллекции курьезов. Среди предметов из кабинета Петра I упоминаются четыре подобных шара.

Многие знатные и состоятельные люди мечтали стать обладателями непревзойденных отечественными мастерами оригиналов китайского искусства или их имитаций, искусно выполненных мейссенской мануфактурой. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы о частных коллекциях дальневосточных (китайских и японских) предметов, размещенных их владельцами в собственных дворцах и усадьбах [4]. Так, для оформления дворца на Яузе Петр I подарил своему верному другу и сподвижнику Ф. Лефорту «15 больших шелковых тканых золотом китайских шпалер (кэсы) с изображениями играющих мальчиков и танцующих журавлей» [9, С. 51]. П. Гордон с нескрываемым восторгом писал, что в феврале 1695 г. «Елизар Избрандт прислал мне две штуки китайского шелку, шесть маленьких чашек с блюдцами и девять глубоких блюдец различной величины и формы, все из фарфора» [9, С. 50]. Известно, что во дворце любимца первого российского императора А. Д. Меншикова создавались интерьеры на «китайский манер» с использованием золота, серебра, мрамора, дорогих сортов дерева, декоративной живописи и лепки, шелковых свитков в золоченых рамах. В «Описи вещей, взятых из дворцов А. Д. Меншикова в 1728 г., в числе шести видов обоев были и вышитые, расписные китайские» [8, С. 175]. Украшением комнат служили привезенные как непосредственно из Китая, так и из Европы подлинные и мастерски выполненные копии предметов традиционного искусства и быта.

Информация о первых коллекциях китайского декоративно-прикладного искусства в нашей стране, безусловно, скудна, но это ни в коей мере не умоляет ее научной ценности. На протяжении многих столетий представления о восточных государствах складывались в большей

степени на основе услышанных рассказов, обильно приукрашенных необыкновенными, а порой и фантастическими подробностями, а также увиденных предметов домашней утвари и личного обихода, изделий декоративно-прикладного и ювелирного искусства или же их изображений. Поскольку, как мы видим из документальных материалов, в большом количестве привозили диковинки, то становится вполне естественным появление экзотического образа Китая, как «сказочной, изящной страны – игрушки, населенной маленькими, роскошно одетыми мудрецами, изысканными, спокойными и томно-ленивыми» [13, С. 399]. В связи с этим, собрания иноземных, в том числе и китайских, вещей в России формировались как собрание курьезов. К приобретению предметов невиданной ранее формы и неизвестного материала первоначально подталкивало любопытство самих путешественников, затем заказы знати, не желавшей отставать от европейской моды, а впоследствии – потребности представителей научного мира проводить более серьезные исследования культуры дальневосточного соседа.

Подводя итог, необходимо отметить, что изучение наиболее ранних поступлений в коллекции Санкт-Петербурга позволяет не только определить время и источник происхождения тех или иных китайских произведений в России, но и выявить степень влияния данных предметов на формирование образа Китая и культуры народов, его населяющих, в сознании наших соотечественников XVIII столетия. Интерес к коллекционированию произведений китайской культуры, пробужденный на заре становления Российской империи, не исчез и в последующие столетия. Объем знаний о Китае, накопленный в научно-просветительских учреждениях Санкт-Петербурга был больше, чем где-либо в стране. Собрания уникальных предметов и произведений искусства, научные центры, периодические издания, проявлявшие интерес к «китайской тематике», превратили этот «европейский» город в передовой центр китаеведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев-Апраксин А. М.* Россия и страны буддийского Востока в XVIII веке // Вестник молодых ученых: исторические науки. 2006. №1, С. 66; *Алексеев-Апраксин А. М.* Буддизм в Петербурге: история и современность. – СПб.: Олеариус Пресс, 2008. С. 15–16
2. *Благодер Ю. Г.* Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры (XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2009. № 3 (4). С. 35–38.
3. *Благодер Ю. Г.* Произведения китайского искусства в дворцовых резиденциях российских правителей XVIII века // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2011. № 2 (40). С. 5–9.
4. *Благодер Ю. Г.* Формирование академических и частных коллекций предметов китайского прикладного искусства в России (XVIII–XIX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Казань, 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 2. С. 74–82.

5. *Иванов А. И.* Из музейных материалов по религии китайцев // Сборник МАЭ. СПб., 1916. Т.3.
6. *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию // www.historia-site.narod.ru/library/ethnology/its-01_8.htm (дата обращения: 15 июня 2009).
7. Китайская грамота. Россия и Китай в период правления династии Цин. 1644-1911 гг. Историко-документальная выставка. М., 2007. 30 С.
8. Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа (конец XVI-XIX вв.) / под. ред. Т.Б. Араповой. СПб., 2003. 215 С.
9. *Меньшикова М.Л.* Китайские коллекции при дворе в Петербурге и а Эрмитаже в XVIII в. // Санкт-Петербург – Китай: три века контактов. СПб., 2006. С. 49-68.
10. Памятники искусства Китая в музеях СССР / О. Глухарева, М. Кречетова. М., 1959. 59 С.
11. Роспись подарков императора Сюань Е императору Петру I и приходно-расходная книга // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы (1700-1725 гг.). М., 1978.
12. *Силин Е.П.* Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947. 248С.
13. *Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность XIII-XVIII вв. СПб., 2003. 544С.
14. *Шафрановская Т.К.* Кунсткамера и Восток. Первые азиатские коллекции Кунсткамеры, собранные отечественными путешественниками // Кунсткамера: этнографические тетради. СПб., 1993. Вып.1.

TRANSLIT

1. *Alekseev-Apraksin Anatoliy.* Russia and the Countries of Buddhist East in the 18 century // Journal of Young Scientists: Historical series 2006, № 1, P 66.
2. *Blagoder YU.G.* Proizvedeniya kitajskogo dekorativno-prikladnogo iskusstva v fondah Kunstkamery (XVIII v.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2009. № 3 (4). S. 35-38.
3. *Blagoder YU.G.* Proizvedeniya kitajskogo iskusstva v dvorcovyh rezidenciyah rossijskih pravitelej XVIII veka // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. Krasnodar, 2011. № 2 (40). S. 5-9.
4. *Blagoder YU.G.* Formirovanie akademicheskikh i chastnyh kollekcij predmetov kitajskogo prikladnogo iskusstva v Rossii (XVIII–XIX vv.) // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». Kazan', 2009. T. 151. Kn. 2. CH. 2. S. 74-82.
5. *Ivanov A. I.* Iz muzejnyh materialov po religii kitajcev // Sbornik MAEH. SPb., 1916. T.3.
6. *Its R.F.* Vedenie v etnografiyu // www.historia-site.narod.ru/library/ethnology/its-01_8.htm (data obrashcheniya: 15 iyunya 2009).
7. Kitajskaya gramota. Rossiya i Kitaj v period pravleniya dinastii Cin. 1644-1911 gg. Istoriko-dokumental'naya vystavka. M., 2007.
8. Kitajskoe ehksportnoe iskusstvo iz sobraniya EHrmitazha (konec XVI-XIX vv.) / pod. red. T.B. Arapovoj. SPb., 2003.
9. *Men'shikova M.L.* Kitajskie kollekcii pri dvore v Peterburge i a EHrmitazhe v XVIII v. // Sankt-Peterburg – Kitaj: tri veka kontaktov. SPb., 2006.
10. Pamyatniki iskusstva Kitaya v muzeyah SSSR / O. Gluhareva, M. Kretchetova. M., 1959. 59 s.
11. Rospis' podarkov imperatora Syuan' E imperatoru Petru I i prihodno-raskhodnaya kniga // Russko-kitajskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty (1700-1725 gg.). M., 1978.
12. *Silin E.P.* Kyahta v XVIII v. Iz istorii russko-kitajskoj trgovli. Irkutsk, 1947. 248s.
13. *Fishman O.L.* Kitaj v Evrope: mif i real'nost' XIII-XVIII vv. SPb., 2003.
14. *Shafranovskaya T. K.* Kunstkamera i Vostok. Pervye aziatskie kollekcii Kunstkamery, sobrannye otechestvennymi puteshhestvennikami // Kunstkamera: etnograficheskie tetradi. SPb., 1993. V.1.